

ИНТЕРВЬЮ С ИНОСТРАННЫМИ ДОБРОВОЛЬЦАМИ, СРАЖАВШИМИСЯ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ НА СТОРОНЕ НАЦИСТОВ – ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФЕДОР КАЗАН

Интервью с бывшим военнослужащим 14-й Пехотной Дивизии СС *Галичина* и украинских сил самообороны было записано в 1990 году в Детройте (США)

Благодарю Вас за то, что согласились ответить на мои вопросы. Прежде всего я хотел бы спросить: что привело вас в немецкие войска СС?

Молодой человек, лучше начать с моей собственной истории. Я родился в 1920 году на хуторе, расположенном примерно в пяти километрах от Буска. В нашей семье было трое детей. Хотя я совершенно не помню событий, связанных с революцией и приходом к власти красных, я знаю, что моей семье не раз приходилось спасаться бегством, чтобы избежать красного террора. Моего отца убила еврейская толпа, разыскивавшая христиан, которых намеревалась убить. Этот район Украины был чрезвычайно беспокойным. Здесь проживала одна из самых многочисленных еврейских общин, кроме того, постоянно существовали пограничные споры с Польшей, Чехословакией, Румынией, а также происходили столкновения с цыганами. Эти конфликты сформировали взгляды многих украинцев, и поскольку евреи полностью поддерживали красных, это породило ненависть, которая сохраняется и по сей день.

Я хорошо помню конфискации имущества и депортации 1930-х годов. Красная полиция убила наших соседей, а их дети бесследно исчезли. В 1940 году я начал замечать, что повсюду появляются крупные формирования солдат Красной армии. Мне разрешили остаться на нашей ферме, поскольку я был единственным мужчиной, который мог вести хозяйство. Неподалёку от нашей фермы располагался лагерь одной из [советских] дивизий. Солдаты просто приходили и забирали всё, что им было нужно, заявляя, что это требуется государству. Правда, некоторые из них всё же расплачивались с нами, за что мы были им благодарны.

Мы почти не получали никаких новостей, поскольку Сталин хотел держать нас необразованными и в полном неведении — таков был советский порядок. Если ты не был евреем или не примкнул к партии, тебя ненавидели. Я хорошо помню лето 1941 года. Было жарко, и утром 22 июня я увидел множество новых самолётов с чёрными крестами. Мы решили, что Сталин сошёл с ума и напал на Германию. Я очень удивился, когда оказалось, что это Германия напала на Сталина. До сих пор помню поток красноармейцев, отходивших назад, и грохот сражения, доносившийся издалека. К нашей ферме подъехал офицер и приказал мне и моим сёстрам следовать за ним. Он заявил, что собирается конфисковать наш скот от имени государства. Я ответил, что мы подготовим повозку, свяжем животных вместе и последуем за ним. Он согласился, но начал раздражаться, поскольку, как ему казалось, я слишком долго собирался. Тем временем звуки боя становились всё ближе. Внезапно раздался необычный шум. Немецкий самолёт заметил штабной автомобиль и обстрелял его с воздуха. Этот офицер и его водитель были убиты прямо на дороге. Я был в ужасе, опасаясь, что красные могут решить, будто это сделали мы, поэтому не стал трогать их тела.

На следующий день появились другие красноармейцы. Я рассказал им о случившемся. С ними были гражданские лица, которых они вели с собой; им приказали похоронить погибших, после чего нам также велели отправляться вместе с ними. Я сказал, что должен остаться на ферме. В ответ мне приставили пистолет к лицу и заявили, что теперь я служу в армии, после чего приказали собрать скот и выступить. В этот момент прискакал всадник и сообщил солдату, что немцы прорвали фронт и движутся в нашу сторону. Тогда он приказал мне привести нашу повозку и скот в ближайший город для получения дальнейших распоряжений. Я ответил: «Есть, товарищ», — и они все поспешно ушли. Я сказал своим сёстрам, что всё будет хорошо. Я слышал много хорошего о немцах, поскольку многие из них жили неподалёку от нас и были очень хорошими земледельцами.

Наконец прибыли немцы на бронеавтомобиле. Мне понравилась их чёрная форма. Они осторожно остановились возле [брошенной] штабной машины, выскочили с оружием наготове и подошли к нашему дому. Один из них говорил на нашем языке, но очень плохо. Моя сестра рассмеялась, когда он сказал, что он «картошка». На самом деле он пытался спросить, не найдётся ли у нас немного еды. Мы пригласили его в дом, дали воды, молока и несколько картофелин в дорогу. Он предложил деньги. Моя сестра взяла их, а он поцеловал её в щёку. После этого она ещё целый месяц всем хвасталась этим.

По всей Украине, по мере того как немцы вытесняли красных, мы встречали их как освободителей. Самым первым, что я увидел после того, как они заняли Львов, было открытие и восстановление церквей, закрытых советской властью. Церковь в Буске также тайно возобновила работу, однако приходилось соблюдать большую осторожность, поскольку местный епископ, его друзья и родственники были убиты в 1920-х годах евреями, поддерживавшими красных. Ещё одной мерой, введённой немцами, стал призыв помочь в охране порядка и борьбе с красными и их союзниками, главным образом польскими коммунистами. Я, как и многие другие мужчины, вызвался добровольцем. Моя мать и сёстры могли управляться с хозяйством самостоятельно. Другая моя сестра, которой было восемнадцать лет, добровольно уехала работать на завод в Германии, где обещали очень высокую по тем временам зарплату. Поэтому мы приветствовали немцев и добровольно помогали им, поскольку считали, что это принесёт пользу нашей стране.

Плакат, агитирующий за вступление в Дивизию Галичина

Как Вас завербовали в войска СС? Меня всегда учили, что СС ненавидели славян и неарийцев и не хотели иметь с вами ничего общего. Более того, утверждалось, что они уничтожили миллионы украинцев, считавшихся расово неполноценными...

Всех убивали именно красные, а не немцы. Меня направили в учебный лагерь для подготовки в качестве сотрудника службы безопасности. Нас обучали украинские командиры. Они учили нас стрелять, задерживать людей и допрашивать пленных. Нашей первой задачей были обыски в еврейских кварталах с целью поиска скрывавшихся там красноармейцев. Если их обнаруживали, их отправляли в лагерь, а люди, помогавшие им, также приговаривались к тюремному заключению. Этой работой я занимался до конца 1942 года. Затем офицер СС собрал нас всех вместе и сказал, что у нас есть возможность сформировать боевую дивизию СС и самим вступить в борьбу с Красной армией. Все без исключения согласились.

Нас направили на дальнейшую военную подготовку, и именно тогда я впервые получил немецкое оружие. До этого мне приходилось пользоваться плохими русскими винтовками ещё времён Первой мировой войны. Мне выдали военную форму, предоставили солидное денежное довольствие, хорошее питание и, что особенно важно, новую пару сапог. Я не могу говорить за всех, но лично ко мне в войсках СС относились очень хорошо. У меня не было никаких жалоб, кроме одной: я сожалел, что нас не начали использовать таким образом гораздо раньше. Многие были недовольны тем, что вместо борьбы с Красной армией им приходилось заниматься борьбой с бандитами. Я не видел никаких свидетельств того, что немцы или СС убивали украинцев. Повторю ещё раз: мы воспринимали немцев как освободителей. Сегодня красные приходят в ярость при упоминании об этом, однако стараются молчать об этом и представить события совершенно иначе.

Вы уже несколько раз упоминали евреев. Не могли бы Вы подробнее рассказать об этом и объяснить, почему Вы считаете, что евреи поддерживали красных? Видели ли Вы лично что-либо подобное?

Это тоже очень большая тема, но если говорить кратко, то Карл Маркс и многие другие ранние деятели красного движения были евреями — например, Троцкий, Ленин, Свердлов и Радек, если назвать лишь некоторых. Сегодня, как мне кажется, предпринимаются попытки преуменьшить их роль, представляя подобные утверждения преувеличением или проявлением антисемитизма.

Я помню, как в детстве видел во Львове одну из их листовок, в которой содержался призыв ко всем евреям взяться за оружие против христиан, выступающих против них. Хочу также сказать, что интересно следующее: в Библии Эдом означает «красный» — народ, которого Бог ненавидит. Они присвоили себе имена, обычаи и наследие *богоизбранного народа*, о чём говорится во Второй книге Царств, пытаясь обманом выдать себя за этот народ. Не секрет, что они полностью поддерживали красных, а христиане заплатили за это страшную цену. Если вы им не нравились, во время революции вас либо убивали, либо отправляли в ссылку — это было время сведения старых счётов. Они уничтожали целые семьи, выступавшие против них. Отбирали землю, фермы, дома и даже жён. Я слышал историю о молодой супружеской паре. Красный отряд, рыскавший по округе, захотел отобрать красивую жену у мужчины. Его повесили, а её забрали в качестве наложницы, и с тех пор о ней больше никто ничего не слышал.

За первые десять лет красного террора по всей России, Украине, Белоруссии и даже Польше были убиты сотни тысяч людей. Некоторые историки сегодня утверждают, что с 1917 по 1955 год красными было уничтожено почти 30 миллионов христиан. Возможно, эту цифра невозможно точно подтвердить, но мне она кажется вполне правдоподобной. Моя

страна была разорена этими людьми, а целые поколения были уничтожены. Когда пришли немцы, нам казалось, что это знак Божий — настал час нашего возмездия. Только во Львове многие евреи, которых считали виновными и которые не успели отступить вместе с советскими войсками, были казнены. Я видел последствия этого: около ста мужчин и несколько женщин были расстреляны местным ополчением. Рядом установили предупреждающую табличку для других евреев, помогавших красным: их время тоже придёт.

Каким было для Вас вступление в Дивизию СС Галичина?

Это был великий день. Состоялось торжественное богослужение, на котором присутствовали [Ганс Франк](#), Гиммлер и другие высокопоставленные лица. Мы несли знамёна СС и Галиции. Перед нами выступили Гиммлер и командир дивизии. Я до сих пор слышу голос Гиммлера, который говорил нам, что впервые почти за двадцать лет мы снова свободны выбирать свой путь и свободны исповедовать свою веру так, как сами того желаем.

Первым нашим заданием, ещё до начала обучения, было помочь доставить пожилых людей со всей округи в новый госпиталь, куда немцы привезли современное медицинское оборудование для проведения полного обследования. Многие из этих людей впервые в жизни получили настоящую медицинскую помощь. К госпиталю потянулись длинные вереницы повозок, телег и тракторов.

Наша подготовка проходила довольно поспешно, поскольку многие уже имели опыт службы в ополчении или полиции. Главным образом нас обучали ветераны боевых действий. Они учили нас тому, как выжить на войне. Строевой подготовке и знаменитой немецкой любви к безупречной выправке и внешнему лоску уделялось гораздо меньше внимания. Меня подготовили как пехотинца и присвоили звание штурмана/Sturmmann. Кроме того, я прошёл обучение в качестве запасного пулемётчика для пулемёта MG 34. Заключительной частью нашей подготовки стало [боевое] патрулирование в Польше, нацеленное на борьбу против остававшихся там бандитских групп. Тем временем красные успешно использовали небольшие группы евреев для укрытия своих комиссаров, которые руководили нападениями на украинцев и немецкие объекты.

Наши подразделения быстро росли по мере прибытия новых добровольцев. Некоторые были недовольны тем, что к нам стало поступать много поляков, однако немцы действовали весьма умело: они устраивали танцевальные вечера и совместные ужины, приглашая красивых девушек из разных мест, чтобы помочь нам найти общий язык. Очень скоро мы стали воспринимать поляков как товарищей, которые ненавидели красных так же сильно, как и мы. К нам даже присоединились несколько цыган. У меня до сих пор хранится фотография, на которой их женщины танцуют для нас *топлес* во время одного из праздников под открытым небом. Они были несколько неопрятны, но очень красивы, очень кокетливы и с пышной грудью.

Меня восхищало количество техники, которая поступала в наше распоряжение. Это были бронеавтомобили, зенитные орудия, новые пистолеты-пулемёты, миномёты и грузовики. Теперь мы представляли собой полностью подготовленное к боевым действиям соединение. Мы приносили присягу в присутствии наших капелланов и священников и поклялись сражаться до последней капли крови, защищая свою веру и свой народ.

Какой была Ваша первая боевая операция?

Как и прежде, в начале 1944 года нас направили на борьбу против бандитских формирований. В Восточной Польше, Белоруссии и на севере Украины они действовали очень активно. Они постоянно нападали на линии снабжения, но ещё чаще — на семьи людей, сотрудничавших с немцами. Немцы уже начали переселять евреев в гетто, чтобы

иметь возможность лучше контролировать их, однако оставались большие районы, где нам приходилось проводить обыски в поисках незаконно хранившегося оружия и военного имущества. Мы нередко находили подобные тайники. В большинстве случаев дома конфисковывались, а их владельцев либо отправляли в лагеря, либо казнили — в зависимости от тяжести совершённого, как это тогда оценивалось. Всегда помните: те, кому они помогали, убивали невинных людей. В конце концов нам удалось блокировать крупную группу противника в нескольких небольших деревнях. У них даже имелся танк, который, к счастью для нас, мы уничтожили единственным имевшимся у нас *панцерфаустом*. В бою участвовали мужчины, женщины и даже дети. Многие из них были красными, прибывшими из разных мест и долгое время терроризировавшими огромную территорию. Теперь им впервые пришлось отвечать за свои действия. К нам присоединился мужчина, вся семья которого была убита этой группой. Он расстреливал каждого, кто пытался сдаться, и нам пришлось удерживать его, поскольку нам были нужны пленные для получения разведывательной информации.

В течение нескольких дней мы переходили от одной деревни к другой, вступая в бой за боем. Территория площадью в десятки квадратных километров была полностью блокирована, чтобы никто не смог уйти. Однажды нам оказала поддержку авиация, а в другой раз артиллерийский огонь по противнику вёл бронепоезд. Эти формирования были хорошо вооружены. Мы обнаружили оружие западных союзников — взрывчатку, мины и другое снаряжение. Красные снабжали их боеприпасами, оружием и присылали военных руководителей. Мы были очень довольны, когда среди последней группы, с которой нам пришлось сражаться, обнаружили убитого еврейского комиссара в звании полковника. Мы уничтожили этот отряд полностью, до последнего человека, тогда как местные жители продолжали рассказывать нам всё новые истории об убийствах, совершённых этими людьми. Из нескольких сотен человек мы взяли в плен лишь семьдесят девять. Всех обнаруженных детей передали в сиротские приюты. Это было очень тяжёлым испытанием для солдат. Несмотря на то, что мы сражались с полной убеждённости в своей правоте и были уверены, что эти люди — чудовищные преступники, война никогда не бывает лёгкой.

Потом нас вывели с передовой и дали время восстановить силы и отдохнуть. Со всех сторон поступали слова благодарности, поскольку этот отряд на протяжении длительного времени грабил и убивал людей на огромной территории. К нам даже приходили вдовы погибших и молодые девушки, предлагая свою помощь добровольно. Немцы отказались принимать их в войска, заявив, что женщин следует защищать. Однако наши священнослужители приняли их и поручили им различные работы.

Когда Вам впервые пришлось вступить в бой против Красной армии?

Это произошло летом 1944 года, спустя ровно год после формирования нашей дивизии. Мой 31-й Полк был направлен в район города Броды. Положение на Восточном фронте становилось всё более тяжёлым. Сталин вновь набирал силу благодаря помощи союзников, а Красная армия постепенно теснила нас. К тому времени мы получили пополнение и успели хорошо отдохнуть. Большую часть 1943 года и начало 1944-го мы занимались восстановлением городов и деревень в нашей зоне ответственности, а также обеспечивали безопасность многочисленных трудовых и молодёжных организаций, выполнявших гражданские работы, поскольку они постоянно опасались нападений. После нашей кампании конца 1943 — начала 1944 года большинство бандитских формирований в нашей зоне было, по нашим представлениям, уничтожено. Мы были полны решимости сражаться с Красной армией до последнего.

13 июля советские войска начали наступление на чрезвычайно протяжённом участке фронта, прорвали позиции ослабленных частей Вермахта и быстро продвигались с целью вновь занять всю Украину. Мой полк находился в резерве, и нам было поручено оборонять несколько населённых пунктов. Меня поразило огромное количество людей и техники, которыми располагала Красная армия. Они атаковали нас бесчисленным количеством танков и, казалось, бесконечными волнами пехоты. Я видел множество советских

самолётов, бомбивших города вокруг нас. Мы заняли хорошо подготовленную оборонительную линию и сумели отбить несколько атак танков Т-34. Наши сапёры были настоящими мастерами: они устанавливали мины и связки гранат именно там, где это позволяло уничтожать эти бронированные машины. Мы сражались как львы и вновь и вновь отбрасывали противника, но он продолжал наступать. Через несколько дней мы узнали, что оказались в полном окружении. Однако наш боевой дух поднялся, когда мы увидели, как самолёты *Люфтваффе* наносят тяжёлые удары по советским войскам. Один бомбардировщик потерпел крушение прямо в городе, где я находился. Его экипаж не имел никаких шансов спастись.

Советские войска сбрасывали нам листовки с призывами сдаться, но мы прекрасно понимали, что означает капитуляция. От пленных мы узнали, что наступление ведётся по всему огромному фронту, однако немецкие войска пытаются пробить к нам коридор. Вместе с несколькими немецкими подразделениями мы оставались в окружении, и наша оборона стоила советским войскам, по нашим представлениям, огромных потерь. Перед моими глазами лежали только тела погибших солдат и подбитые танки. Позади нас постоянно слышалась стрельба, и мы понимали, что нас не оставили без помощи. Во время одной из ночных атак я был ранен в руку, однако продолжал участвовать в бою. Позже нас отвели на новую линию обороны. Вскоре объявили, что немецким войскам удалось прорвать кольцо окружения. Мы немедленно пошли в атаку, чтобы соединиться с ними. Встретившись с немецкими частями, мы быстро приступили к эвакуации раненых и медицинских сестёр, находившихся вместе с нами. Советские войска бросили все силы на то, чтобы вновь закрыть этот коридор, однако мы удерживали его, понимая, что поражение будет означать для нас. Вскоре Красной армии удалось снова окружить нас, и тогда наш командир приказал всем идти на прорыв небольшими группами. Я выходил из окружения вместе с офицерами моего полка. Мы выступили ночью и стали пробираться через леса, стараясь не производить лишнего шума. Днём мы укрывались, избегая встреч с советскими патрулями. Издали мы часто слышали стрельбу и гадали, не другие ли это группы пытаются прорваться. Нам пришлось пройти несколько километров, что заняло немало времени. По дороге мы обнаружили оставленный полевой госпиталь и съели и выпили всё, что смогли там найти. Позже мы наткнулись на санитарную машину, возле которой лежали убитые раненые. Казалось, что две медсестры вели эту машину: они лежали возле распахнутых дверей с пулевыми ранениями в затылок. Это было типичным проявлением красного террора. Наконец мы добрались до немецких позиций и подробно доложили обо всём пережитом, включая гибель медсестёр, однако к тому времени все уже считали подобное обычным поведением советских войск. Мы даже шутили, что вскоре нам перебросят очередную листовку с фотографиями этих женщин и подпишут, что именно мы, «фашисты», их убили.

Что стало с дивизией после этого сражения?

Мы понесли очень тяжёлые потери, лишились всей техники, почти всего тяжёлого вооружения и большей части личного состава. Немцы перебросили нас в Словакию, где мы могли немного отдохнуть. Мы находились в состоянии глубокого потрясения. Красные вновь заняли нашу родину, и многие переживали за судьбу своих семей. Я отправил матери и сестре сообщение с просьбой уходить вместе с немцами и добраться до Словакии, где уже поселилось много украинцев. Это вызвало сильное недовольство среди словаков, которые подняли восстание против столь большого числа прибывших. Я до сих пор убеждён, что красные сыграли в этом значительную роль, поскольку Тито (*здесь бывший эсэсовец явно запутался, так как остатки Галичины после поражения под Брдами были переброшены именно в Словакию – ВК*) обладал большим влиянием в этом регионе и, по моему мнению, получал значительную поддержку из Москвы. Возникали также проблемы с цыганами. Их было очень много, и они грабили беженцев. Немцы быстро пресекали подобные действия, из-за чего цыгане стали относиться к ним враждебно. Тем не менее мы всё же подружились со многими местными жителями и даже успевали устраивать танцы и совместные ужины.

Моя сестра, находившаяся в Германии, написала мне, что получила ранение во время одной из бомбардировок, однако о ней хорошо заботятся. Она присылала мне кофе и мясные продукты. Затем нас вновь направили в бой совместно с другими частями СС против партизан, которые действовали очень активно в окружавшем нас районе.

Немцы организовали полицейские подразделения и местные ополчения для борьбы с ними, однако их сил было недостаточно, чтобы разгромить партизанские формирования. Мы использовали всю свою военную мощь, и всё повторилось, как в начале 1944 года: мы разгромили их. Это были всё те же грязные «красные», которыми руководили комиссары, большинство которых были евреями. Мы узнали, что они получали по воздуху оружие, продовольствие и пополнение как от западных союзников, так и от советской стороны (возможно, речь идет уже о боевых действиях в Югославии, куда украинские эсэсовцы были переброшены в январе 1945 года – ВК). Именно тогда я впервые испугался, что мы проиграем войну, и уже ничего нельзя будет изменить. Я задавался вопросом, почему Бог позволяет силам тьмы победить в этой борьбе.

Моему подразделению неоднократно приходилось видеть преступления, совершённые против мирного населения. Всё, чего хотели эти люди, — чтобы их оставили в покое и немцы, и партизаны. По моему мнению, только немцы уважали это желание, хотя тем самым невольно позволили партизанским формированиям окрепнуть и расширить свою деятельность. В результате расплачивались невинные люди. Всю осень и всю зиму продолжалась бесконечная война взаимных ответных ударов. Если в каком-либо доме обнаруживали оружие или укрывавшихся противников, его сжигали. Затем нападению подвергался дом какого-нибудь националиста, а в ответ мы отправлялись разыскивать убийц. И так продолжалось без конца. До нас доходили сведения о том, что советская сторона направляет всё больше и больше людей на помощь этим отрядам.

Марш в честь Дивизии Галичина в Киеве

Каким для Вас оказался конец войны?

К 1945 году мы были переброшены к границам Рейха и понимали, что война практически проиграна. Партизанские формирования пытались перерезать пути отхода войск,

отступавших с Балкан, а нас использовали для удержания коридоров, по которым отходили солдаты, старики, женщины, дети и многочисленные женщины из вспомогательных служб. Было тяжело видеть, как некогда могущественная армия превратилась в отступающую, грязную, измученную массу людей. До нас доходили рассказы об ужасных расправах над целыми семьями, совершённых партизанами. Мы сами видели последствия этих событий: расстрелянных после сдачи в плен солдат, изнасилованных женщин и даже убитых детей. После этого мы поклялись больше никогда не брать пленных. Наш священник был потрясён. Его постоянно просили совершать последнее помазание умирающих. Со слезами на глазах он благословлял погибших. Помню, как он сказал, что Ватикан обязательно должен узнать обо всём этом и обо всех остальных ужасах, свидетелем которых ему довелось стать.

Вдали вновь раздавался грохот артиллерии, и мы понимали, что это означает. Нам снова приказали отступать. Нас перебросили в район Граца, где мы вновь вместе с другими подразделениями СС вступили в бой с советскими войсками. Хотя наши силы были сильно ослаблены, мы ещё сохраняли боеспособность. Мы атаковали один город и сумели разгромить советские части - противник понёс тяжёлые потери, а среди разгромленных оказались некоторые элитные подразделения. Однако возникла угроза нового окружения, и мы снова были вынуждены отступить. К маю всё было кончено. Наш командир встретился с представителями духовенства и чиновниками НСДАП. Было объявлено, что мы являемся *Освободительной армией*, действующей отдельно от Вермахта. Предполагалось, что это позволит союзникам относиться к нам иначе. Мы капитулировали 10 мая и были отправлены в Италию. Охраняли нас поляки, которые, как ни странно, в большинстве своём относились к нам дружелюбно. Мы узнали, что Москва требует нашей выдачи за «преступления», однако нашим священнослужителям удалось обратиться к Ватикану, который оказал давление на союзников, добиваясь признания нас освободительным движением. Так и произошло, и обращались с нами очень хорошо. Затем я узнал, что моя мать погибла во время штурмового авианалёта, пытаясь добраться до Германии. Позднее, в том же году, мне удалось вновь встретиться с сёстрами. Сестра, работавшая в Германии, решила там остаться, а мне предложили возможность эмигрировать в Канаду. В 1947 году мы с одной из сестёр переехали туда. До этого нам удалось заработать немного денег, участвуя в разборе завалов и восстановительных работах в Италии. Я был счастлив, что остался жив, но скорбел обо всём, что было потеряно в нашей борьбе за свободу.

Я хотел бы спросить, как Вы относитесь к Холокосту. Мне кажется, что Вы видели часть этих событий своими глазами и даже принимали в них участие?

Нет, никакого «Холокоста» не было. Евреи поступают так же, как любой провинившийся человек: перекалывают ответственность на других и спрашивают: «Какое преступление совершил я?», одновременно указывая преступления, которые, как он утверждает, совершили другие. Мы сражались с евреями, которые сами брались за оружие против нас или, по крайней мере, непосредственно помогали нашим врагам. Некоторые были наказаны за то, что прямо или косвенно способствовали гибели невинных людей, сотрудничая с советской властью. Многие сотрудники ГПУ были евреями. Когда их захватывали, их расстреливали, причём не сами немцы. Это было кровавое дело, но эти люди сами определили свою судьбу.

Вместе с тем я хочу сказать, что не все евреи были причастны к этому. Многие из них жили спокойно, поскольку, как нам казалось, не представляли угрозы и не сотрудничали с красными. В конце войны вместе с нами на запад бежало очень много евреев. Мы не знали, как к этому относиться. Сегодня, как мне кажется, они заявляют, что были жертвами Гитлера, благодаря чему получили особое отношение. Некоторые даже сотрудничали с нами, что казалось удивительным. Они испытывали такое же отвращение к действиям своих соплеменников, как и мы, однако мы всё равно не доверяли им. Я не могу говорить об этом у себя на родине, но считаю, что Холокост — неправда. Я убеждён, что не существовало намерения уничтожить всех евреев.

На этом, пожалуй, закончим.

ХАРАЛЬД НУГИСЕКС (HARALD NUGISEKS, 1921-2014)

Интервью с Харальдом Нугисексом, бывшим военнослужащим 20-й Пехотной Дивизии СС (1-й Эстонской) и кавалером Рыцарского Креста, было записано в 1993 году (в Тарту, Эстония).

Харальд Нугисекс в период службы в СС (слева) и в последние годы жизни (справа)

Я хотел бы сразу перейти к главному вопросу: что побудило Вас встать на сторону немцев и, в частности, вступить в ряды СС?

Это долгая и, наверное, скучная история, поэтому я расскажу её вкратце. Чтобы понять мои мотивы, необходимо знать историю нашего народа и то, что произошло в 1940 году. Эстония была свободной страной, получившей независимость от своих прежних русских и немецких правителей по итогам [Версальского мирного договора](#). С 1920 года у нас наступил период спокойствия, и мы жили простой, беззаботной жизнью. Бывали небольшие приграничные столкновения с красными, но ничего по-настоящему тревожного не происходило.

Существовала небольшая группа людей, желавших присоединиться к новой Советской республике, однако большинство из нас не хотело иметь ничего общего с коммунизмом. Мы слышали о том, через что пришлось пройти Белой армии, и об огромном числе людей, погибших за свои убеждения. К сожалению, немногочисленное еврейское население Эстонии встало на сторону Советов. Они тайно изготавливали и распространяли пропагандистские материалы, призывая положить конец господству христианства и свободе. Некоторые [после присоединения к СССР] зашли настолько далеко, что начали сотрудничать с тайной полицией, помогая выявлять, арестовывать и казнить христиан, сопротивлявшихся новой [советской] системе. Тысячи людей бесследно исчезли, церкви были закрыты, а книги сжигались, чтобы уничтожить любые проявления национализма и христианства. Разрешалось изучать лишь труды Маркса, Ленина и Троцкого.

В 1940 году мы ненавидели Гитлера и Германию. Мы чувствовали себя преданными, потому что Гитлер говорил о спасении Европы, а затем договорился с Советами, позволив им оккупировать нашу страну. Оккупация оказалась настолько тяжким испытанием, что в июне 1941 года всё население встречало немецкие войска как освободителей. Должен отметить, что они произвели очень хорошее впечатление. Первым делом, после того как были вытеснены советские войска, они начали раздавать продовольствие и вновь открыли наши церкви. Они очень быстро завоевали уважение народа, в том числе и моё. Меня завербовали для службы в своего рода местной обороне, задачей которой была охрана

территории от скрывавшихся советских солдат. Немецкие части быстро двинулись дальше, а нам поручили преследовать и уничтожать бандитов.

Эстонский нацистский плакат, на котором эсэсовец представлен как реинкарнация [Калевипозга](#)

Что же привело меня в СС? Мне нравилось то, что Германия делала для Европы, то, что она освободила нас и позволила нам оставаться свободными. Всё делалось ради Эстонии и ради Европы.

Как проходила Ваша [военная] подготовка?

Она была тяжёлой — этого нельзя отрицать. Нас обучали как эстонские, так и немецкие инструкторы. Они гоняли нас практически круглые сутки. Мы маршировали до самого вечера и ложились спать около девяти часов, но уже в час ночи инструкторы врываются в казармы, гремя котелками и походной посудой, и всё начиналось заново. В основном мы обучались обращению с немецким оружием, хотя иногда приходилось пользоваться и трофейным. Мы постоянно тренировались и в итоге очень хорошо овладели всеми видами вооружения. При этом хочу сказать, что к нам относились как к равным. В войсках СС обучение заключалось в том, чтобы научить человека, а не сломать его или унижить. Нас учили быть самостоятельными и одновременно полностью доверять своим товарищам.

Хочу развеять один миф, который иногда повторяют некоторые люди: нас никогда не заставляли быть рабами немцев или Гитлера. У нас были собственные офицеры и свои командиры, и всё, что мы делали, было ради Эстонии. После окончания подготовки мы встретились с рейхсфюрером СС Гиммлером. Он приехал посмотреть наш выпускной парад и провести смотр подразделения. Он обратился к нам с речью и сказал, что мы участвуем в священном крестовом походе против *восточного* большевизма, который, если его не остановить, поработит все народы Земли. После его выступления мы были полны решимости как можно скорее вступить в бой с противником. Его слова были встречены громким ликованием.

Каким был Ваш первый бой и что Вы тогда испытали?

В своих первых боестолкновениях я участвовал в составе местной охраны. Нам поручили разыскивать советских военнослужащих и всех, кто им помогал. Всё это началось после немецкого наступления. Многие [из просоветски настроенных] ушли вместе с отступавшими советскими войсками, но некоторые не смогли уйти достаточно далеко. Они скрывались в лесах и выживали, грабя крестьян. Затем они объединились с советскими солдатами, отказавшимися сдаться в плен, и начали действовать небольшими отрядами: перерезали линии связи, поджигали мосты и по мере того, как эти люди чувствовали себя всё увереннее, их действия становились всё более дерзкими.

Мой первый бой произошёл, когда один из таких отрядов оказался блокирован недалеко от границы. Молодая девушка, которую родители отправили сообщить нам, что их деревня захвачена, предупредила нас и рассказала, что эти люди убили деревенского старосту. Мы окружили деревню и сразу же попали под огонь. Мы неоднократно предлагали им безопасно сдаться и гарантировали отправку в лагеря для военнопленных, однако в ответ получили лишь пулемётные очереди. В том бою мы понесли свои первые потери. Когда всё закончилось, весь этот отряд был уничтожен. Кроме того, они успели убить нескольких мирных жителей, которые пытались спастись бегством, когда началась стрельба.

Большая часть моей службы в местной охране проходила спокойно, хотя теперь мы действовали уже далеко за пределами наших границ. Но после поражения Германии под Сталинградом многие захотели сделать больше, чтобы помочь общему делу. Многие к тому времени уже уехали работать в Германию или добровольно вступили в Эстонский Легион СС ещё в 1942 году. По-моему, в начале 1943 года нам предложили вступить в новый эстонский полк СС. Я с готовностью согласился, как и мои товарищи, последовав примеру других эстонцев.

Вскоре нам довелось встретиться с советскими войсками в настоящем бою. Мы были хорошо подготовлены и горели желанием отомстить ордам, которые принесли нашему народу столько страданий.

Какое впечатление у Вас сложилось о русском солдате и русском народе?

Это были хорошие люди. Мы никогда не воевали с русскими как с народом. Более того, практически везде, где нам приходилось бывать на Восточном фронте, мы поддерживали с местными жителями очень хорошие отношения. Обычный советский солдат был вынужден воевать не по своей воле, и его моральный дух ломался очень быстро, потому что его насильно отправляли на фронт. Им не хватало дисциплины, и нередко из-за озлобленности они совершали преступления. Они легко поворачивали оружие против тех своих соотечественников, которых считали предателями. Много раз мы приходили в деревни, где почти все жители были убиты за сотрудничество с нами, особенно на Украине. Позже Советы утверждали, что эти преступления совершили мы. Особенно жестокими были партизаны, среди которых было много евреев, поэтому в большинстве случаев, когда мы их брали в плен, их приходилось казнить. Они убивали солдат, мирных жителей и даже детей, лишь бы расправиться с любым, кто выступал против них. Я никогда не забуду один случай под конец войны. Они захватили один город, и несколько подростков состояли в местном аналоге *Гитлерюгенда*. Они повесили всех этих детей — семи-, восьми-, девятилетних, — а их родителей расстреляли.

Раз уж речь зашла об этом, я хотел бы спросить о евреях. Утверждается, что Эстония помогала собирать евреев для последующего уничтожения и что главным инструментом этого были войска СС. Чувствуете ли Вы за собой какую-либо вину?

Чепуха. То, что произошло с большинством евреев, было следствием их собственных действий. Мне было бы стыдно и отвратительно, если бы я сражался за идею, которая преследовала невинных людей. Не все евреи подвергались преследованиям. В Эстонии были и такие, кто сохранял верность стране и жил спокойно. Но с теми, кто решил помочь

нашим врагам или выступал против нашего народа, обращались очень сурово. Нередко можно было услышать о нападениях на евреев со стороны родственников тех людей, которых, как считалось, они помогли отправить в ссылку. Немцам даже пришлось пресекать действия некоторых местных милицеских формирований, которые мстили порой совершенно невиновным евреям. Я не испытываю никакой ненависти к евреям, однако считаю фактом, что они сыграли непосредственную роль в распространении большевизма по миру, за что миллионы людей, главным образом христианская Европа, заплатили страшную цену. После войны произошло то же самое: Советы вновь привели их к власти, и всякий, кто не принимал этого, отправлялся в ссылку или подвергался ещё более суровой участи.

Что касается облав, то да, мне приходилось видеть подобное. Целые деревни, жители которых скрывали противника или помогали ему, уничтожались, а население отправлялось в гетто, чтобы сосредоточить его в одном месте. Практически все воюющие государства тем или иным способом поступали подобным образом с народами, которых считали угрозой. В этом не было ничего нового. Я предстану перед нашим *Создателем* с чистой совестью, прося прощения за свои грехи, но зная, что причинение вреда невинным людям не относится к их числу. Я видел только то, что немцы обращались с людьми, которых переселяли, очень гуманно, совсем не так, как это показывают сегодня по телевидению.

Вы были награждены Рыцарским Крестом. За что Вы его получили и каково было ощущать себя человеком, которого называют героем?

Да, я получил эту награду за один довольно короткий эпизод, и, если честно, мне тогда было страшно до смерти. К тому времени наш легион постоянно находился в боях — либо против партизан, либо против советских войск. Я участвовал в одном бою за другим и был награждён *Железным Крестом* обеих степеней.

К 1944 году советские войска, значительно превосходившие нас численностью, сумели оттеснить фронт почти к самому порогу нашего дома. Наш легион использовали как своего рода «пожарную команду» на Восточном фронте — нас постоянно перебрасывали туда, где складывалась наиболее опасная обстановка. Когда советские войска стали угрожать нашим родным местам, нас перебросили на защиту границ Эстонии, поскольку наше командование знало, что мы будем сражаться как львы. Мы заняли хорошо подготовленные оборонительные позиции, построенные вдоль озёр и реки, остановили продвижение советских войск и нанесли им тяжёлые потери в людях и технике. Нам удалось взять в плен женщину-снайпера, и она предоставила нам очень ценные сведения о расположении советских позиций. Для советской женщины она была довольно привлекательной; обычно, как мне казалось, они выглядели весьма неприметными и неухоженными. Мы оставили её при себе, поскольку она охотно сотрудничала и даже показывала некоторым нашим солдатам, как правильно стрелять из снайперской винтовки, если можете в это поверить. Так же, как и у немцев, при нас были бывшие советские граждане, помогавшие нам выполнять различные задачи в тылу. Многие из них впоследствии вступили в [\[Русскую\] Освободительную Армию](#).

Советские войска атаковали нас крупными силами, однако мы отбили их наступление, уничтожив их танки. После того как атака была отражена, наше командование решило контратаковать противника. Мы сами перешли в наступление и захватили плацдарм. Именно тогда я заметил, что все наши офицеры выведены из строя, и командование фактически оказалось в моих руках. Из предыдущих атак я усвоил один важный урок: мы слишком быстро расходовали патроны и гранаты, что останавливало наше продвижение, поскольку каждый солдат мог нести лишь ограниченное количество боеприпасов. Поэтому я приказал доставить санки, чтобы на них подвозить достаточное количество боеприпасов и гранат, позволяя нам продолжать наступление. Это сработало. Мы смогли захватить советские траншеи и удержать их, несмотря на контратаки превосходящих сил противника. Советские войска понесли тяжёлые потери. Мы хотели продолжать наступление, однако на флангах у нас не было поддержки. Это был тяжёлый и кровопролитный бой, но эстонцы

выстояли несмотря на значительное численное превосходство противника. Женщина-снайпер, которая, что удивительно, даже не попыталась бежать, как это делали некоторые пленные, крепко обняла меня, когда увидела, что я остался жив. Наши действия задержали продвижение советских войск на этом участке фронта на несколько месяцев.

Позже меня отправили в госпиталь с ранениями, где сообщили, что меня представили к высокой награде и представление было утверждено. Из этого сделали большое событие: на награждении присутствовали газетчики, фотографы, высшие руководители и множество других людей, чтобы стать свидетелями этой церемонии. Я стал вторым эстонцем, удостоенным этой награды (*всего их было четверо – ВК*). Это был день, когда меня переполняла гордость. Мне также предоставили дополнительный отпуск, но я стремился как можно скорее вернуться к своим товарищам. А так, куда бы я ни приходил, меня всюду угощали выпивкой...

Мы сумели остановить советские войска на нашей границе. Затем они перенесли главный удар на центральный участок фронта, а у нас наступило относительное затишье, которое мы использовали для отдыха и восстановления сил. Мы проводили обучение, занимались обслуживанием техники и помогали крестьянам. Однако продолжалось это всего пару месяцев — вскоре мы снова вернулись в бой.

Вы упоминали, что однажды попали в неприятную историю. Что произошло?

В некотором роде. Я находился в краткосрочном отпуске, наслаждался жизнью и пил пиво. Я заметил нескольких солдат из другого иностранного подразделения, которые пытались задрать юбки эстонским медсёстрам *Красного Креста*. Одну из девушек я узнал — она была из моего родного района, и она мне нравилась. Я решил, что будет хорошей идеей сыграть роль героя и защитить их. Было видно, что девушкам такое внимание было совсем не по душе, и они попросили меня остановить этих солдат. Я подошёл к одному из них, но мы не понимали языка друг друга. Тогда я просто оттолкнул его, и между нами завязалась драка. Однако другие товарищи быстро нас разняли. У того солдата всё лицо было в крови. Одна из медсестёр обработала ему раны, одновременно отчитывая нас обоих за случившееся. После этого я получил выговор от нашего нового офицера, который гораздо больше заботился о строевой выправке и внешнем лоске, чем о том, что действительно происходило на передовой. Он решил сделать из меня показательный пример и понизил меня в звании. Я был очень зол, но вскоре вмешалась сама война, и этот случай отошёл на второй план.

Каким был для Вас конец войны?

Конец? Мы потеряли свою страну. Мы просто не могли остановить советские войска — их было слишком много. Мы постоянно вели арьергардные бои, нанося противнику тяжёлые потери. Затем я узнал, что мой дом был уничтожен, поскольку советские власти выяснили, что многие считают меня своего рода героем, хотя сам я себя таковым никогда не считал. Мы продолжали сражаться, стараясь помочь всем нашим товарищам, насколько это было возможно. Но это было непрерывное отступление. Нас теснили всё дальше и дальше от родной земли, однако мы всё ещё сохраняли слабую надежду, что Германия каким-то чудом сумеет победить. Мы молились о вмешательстве свыше или хотя бы о каком-нибудь событии, которое заставило бы стороны заключить мир.

К маю 1945 года всё было кончено. Германия лежала в руинах и полностью исчерпала свои силы. Мы прекрасно понимали, что нас ожидает в случае попадания в советский плен, поэтому наш командир предложил пробиваться на запад, чтобы сдаться союзникам. Но нам это не удалось. Нас неожиданно атаковали партизаны и взяли в плен. Это были довольно молодые люди, вероятно, лишь недавно примкнувшие к движению сопротивления: они ещё не прошли боевую закалку и не успели познать настоящую ненависть к врагу. Они держали нас под прицелом и угрожали оружием, но, как оказалось

позже, всё могло быть гораздо хуже. Позднее я узнал о [многочисленных убийствах, совершённых чехами](#).

Сначала нас отправили в лагерь для военнопленных, а затем передали Советам. Советские власти устроили над нами суд и отправили нас в сибирские лагеря ГУЛАГа. Мы были одновременно и разгневаны, и ещё больше напуганы тем, что ожидало нас впереди. Советы обращались с нами очень сурово. Вместе с нами находились десятки тысяч других людей — все те, кто сражался против Советского Союза. В лагерях содержались люди самых разных возрастов — старики, молодёжь, женщины и даже беременные женщины. Когда нас привезли на место, нам остригли волосы, заставили пройти через баню, провели санитарную обработку от вшей, а тех, кто, по мнению охраны, двигался недостаточно быстро, избивали. Персонал этих лагерей состоял главным образом из людей, непригодных к строевой или боевой службе, поэтому они испытывали особую неприязнь к нам, фронтовым солдатам. Чем выше было звание заключённого, тем хуже с ним обращались.

В этих лагерях умерло бесчисленное множество людей. Санитарные условия были ужасными. Медицинской помощи практически не существовало, если только болезнь не представляла опасности как заразная. Заключённым не разрешали получать письма, а религиозные службы были запрещены. Особенно тяжело пришлось священнослужителям нашего подразделения — их вера подвергалась самым суровым испытаниям. Каждого, кто открыто заявлял о своей глубокой вере в Гитлера или в борьбу за общеевропейское дело, уводили, и больше этих людей никто никогда не видел. Мне удалось выжить главным образом потому, что я был молод, а закалка, полученная в войсках СС, помогала поддерживать себя в хорошей физической форме и сохранять крепкое здоровье.

Когда меня спрашивали, почему я воевал, я отвечал лишь, что должен был это делать. Мои слова понимали так, будто меня принудили к службе. Но на самом деле я был верен своей присяге и своей чести и прекрасно знал, ради чего воевал.

Торжественные похороны Харальда Нугисекса

ОСВАЛЬД ВАН ОТЕГЕМ (OSWALD VAN OOTEGHEM)

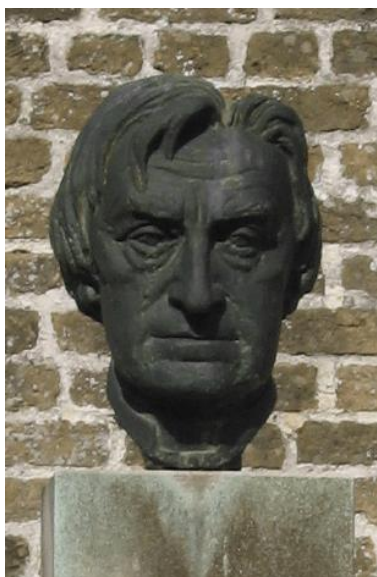
Интервью 1998 года с унтерштурмфюрером Освальдом Ван Отегемом, ветераном *Фламандского Легиона*, военного корреспондента и военнослужащего 27-й Добровольческой Пехотной Дивизии *Langemarck*

Большое спасибо, что согласились поговорить со мной... Для начала я хотел бы узнать, что побудило Вас встать на сторону немцев и, в частности, вступить в ряды Ваффен-СС?

Прежде всего хочу сказать, что очень приятно встретить человека, который нашёл время пообщаться с моими бывшими товарищами. Они очень высокого мнения о вас. Приятно видеть, что молодые люди до сих пор интересуются тем, что мы делали, и нашей историей.

Если говорить о моей жизни, то начать следует с того, что я вырос в семье, искренне любившей нашу землю. И отец, и мать были фламандскими националистами. Именно они воспитали во мне любовь к нашему народу и нашей культуре. В то время нам приходилось нелегко. Мы ощущали себя меньшинством в Бельгии и были недовольны тем, что центральное правительство, как нам казалось, не желало прислушиваться к нашим требованиям. В стране были широко распространены бедность и безработица, которые, как известно, становятся почвой для революций. Однажды я вместе с отцом посетил немецкую выставку архитектуры, в организации которой он принимал участие. Мы оба были очень впечатлены немцами — тем, какими счастливыми, свободными и, по нашему мнению, высокоразвитыми они выглядели при Гитлере. Я даже увидел девушек из *BDM* ([*Союз Немецких Девушек*/Bund Deutscher Mädel](#)), репетировавших какой-то танец. Будучи мальчишкой, я, конечно же, тоже захотел присоединиться к ним. Отцу пришлось буквально увести меня оттуда, но прежде одна из девушек посмотрела в мою сторону и послала мне воздушный поцелуй. Вот поэтому Германия произвела на меня столь сильное впечатление.

Теперь перенесёмся в 1940 год. Мы находились в состоянии войны с Германией, которая оккупировала нашу страну, однако мы никогда не воспринимали немцев как врагов, совсем наоборот. Они очень хорошо относились к нам, считая фламандцев своими братьями. Когда немецкие солдаты входили в наш город, местные руководители вместе с ними пили пиво перед тем, как те отправлялись дальше — во Францию. Во время оккупации, по моим впечатлениям, жизнь стала лучше. Появилось много работы, и люди были довольны. Конечно, война постоянно занимала наши мысли, но тогда казалось, что Германия непременно победит.

Бюст Сирила Версхаве (Ciril Vershave, 1874-1949), установленный у дома, где он родился. Он был известным поэтом и поклонником нацизма, одним из тех, кто активно вдохновлял фламандскую молодежь на вступление в Ваффен СС. Улицы, названные его именем в шести городах Бельгии, были впоследствии переименованы...

В 1941 году Германия начала войну против Советской России, стремясь, как тогда считалось, раз и навсегда уничтожить большевистскую угрозу. Немцы открыли вербовочные пункты во всех крупных оккупированных городах. В то время я учился, собираясь унаследовать профессию своего отца, однако одновременно чувствовал, что необходимо что-то предпринять против угрозы, исходившей, как нам тогда казалось, с Востока. Я и многие другие молодые люди подали заявления о вступлении во *Фламандский Легион*. Необходимо было представить документы, подтверждавшие отсутствие судимостей и физических недостатков, после этого я отправился на медицинское обследование в Генте. Врачи очень тщательно искали любые отклонения, и большинству молодых людей, подавших заявления, в приёме отказали. В те годы СС воспринимались как авангард нового европейского порядка, в него принимали лишь лучших людей с «безупречной» наследственностью. Не брали тех, кто, по тогдашним расовым критериям, считался имеющим наследственные заболевания, «смешанное происхождение» или психические отклонения. Кандидат должен был быть высоким, физически крепким и поступать исключительно добровольно. Когда я узнал, что принят, то был невероятно счастлив. Помню, как прибежал домой сообщить родителям, что вскоре отправлюсь бороться против того, что тогда называли «еврейским большевизмом». Отец очень обрадовался. Он был одним из руководителей нашего движения, и его товарищи пришли поздравить меня, а вот мать, как мне показалось, сильно переживала.

Хочу отметить ещё одну важную деталь. Когда я вступил в легион, он ещё не входил в состав СС. Это произошло позже, когда Гиммлер объединил всех иностранных добровольцев под своим командованием. Вы ведь знаете, что добровольцы приезжали со всей Европы, чтобы принять участие в этой войне, не так ли?

Да. Могу ли я спросить, как сами немцы относились к тому, что рядом с ними воюют представители других народов?

Могу сказать, что они были очень рады нашему присутствию. Советский Союз представлял собой огромную страну, превосходившую по размерам всю Европу. Для такой войны требовалось как можно больше людей. Даже швейцарцы и шведы приезжали служить в СС, и мы воспринимали всех как товарищей. Именно Гиммлер и руководство СС первыми поняли необходимость привлечения добровольцев из других стран. Армейское командование по-прежнему придерживалось более традиционных взглядов и предпочитало видеть в своих рядах только этнических немцев. Что касается самих немцев, то я никогда не замечал с их стороны какого-либо высокомерия или прежних национальных предрассудков, характерных для Европы. Позже мне даже довелось командовать немецкими солдатами. Они относились ко мне с таким же уважением, как и к любому другому офицеру. Лично мне даже казалось, что немцы приветствовали нас особенно тепло именно потому, что мы были иностранцами. Они чувствовали, что не остаются в этой войне в одиночестве, а мы давали им понять, что полностью поддерживаем их.

Когда наши эшелоны отправлялись на Восточный фронт, следовало бы видеть, сколько людей приходило нас проводить. Там были члены *Гитлерюгенда*, девушки из *BDM*, жёны, невесты, родители и партийные руководители. Это было поистине грандиозное зрелище. На всём пути следования нас встречали люди. Даже в оккупированных районах на станциях собирались огромные толпы, приветствовавшие нас. У меня никогда не возникало ощущения, что я нахожусь не на той стороне.

Плакат, призывающий вступить в Штурмовую Бригаду СС Langemarck

Сегодня человеку приходится менять своё мнение. Победитель всегда пишет историю и сам определяет, кого считать виновным. На самом деле многие европейцы видели угрозу большевизма и поэтому поддерживали Германию. Я собственными глазами видел решимость этих добровольцев. Наши части действовали рядом с *Голубой Дивизией*, сражавшейся на том же направлении, и как-то раз испанцы сумели остановить наступление целой советской армии (*речь идет о наступлении советской 55-й Армии под Красным Бором в феврале 1943 года - ВК*). Около пяти тысяч испанцев удерживали позиции против сорока тысяч советских солдат и разгромили целую армию, после чего поле боя было усеяно тысячами погибших и уничтоженной техникой. Подвиги людей, служивших под германскими знамёнами, сегодня забыты, хотя тогда они казались поистине выдающимися. Это была настоящая [борьба Давида против Голиафа](#), но победила не та сторона, чье дело было правым.

Немцы награждали иностранных добровольцев теми же орденами и медалями, что и собственных военнослужащих. Никакой дискриминации не существовало, и многие иностранные добровольцы носили даже больше наград, чем средний немецкий солдат. Это было свидетельством решимости тех людей, которые понимали смысл этой борьбы.

Меня всегда интересовал вопрос религиозных взглядов в СС, поскольку широко распространено мнение, что СС были антирелигиозной организацией. Соответствует ли это вашим воспоминаниям?

Нет, совершенно не соответствует. Я вырос в католической семье, как и большинство моих товарищей. *Ваффен СС* были прежде всего военной организацией, а не религиозной, поэтому вопросы вероисповедания не находились в центре внимания. Я совершенно не видел никакого вмешательства в религиозную жизнь военнослужащих. По моему мнению, в национал-социалистической Германии церковь была отделена от государства, однако при этом отношение к христианству оставалось доброжелательным. В конце концов именно ради защиты христианской Европы и её народов мы и воевали. Так же, как и сегодня тогда нашей культуре и религии угрожали силы, стремившиеся уничтожить их. Я могу сказать совершенно искренне и убежденно: *Ваффен СС* не были враждебны религии и никогда не создавали нам никаких проблем в этом отношении. Конечно, встречались люди, совершенно равнодушные к вере, а также сторонники различных неоязыческих северогерманских кружков, которые тогда пользовались определённой популярностью. В

нашем подразделении был священнослужитель, официально назначенный для удовлетворения всех наших духовных потребностей, хотя формально его не называли штатным капелланом. Он принимал исповедь и причащал всех желающих независимо от того, были они католиками или протестантами.

Могу ли я спросить, каким для Вас оказался Восточный фронт?

Ну что ж, говорить об этом мне очень тяжело. Это был настоящий ад на земле. Я воевал на северном участке фронта, под Ленинградом, где и был ранен. Как я уже говорил, советские войска обладали огромным численным превосходством, во многих случаях многократным. Мы могли уничтожить целую роту во время одной атаки, но на её место сразу же приходили ещё десять. Во многих отношениях у нас было лучшее вооружение, медицинское обеспечение, тактика и, как нам казалось, более высокая убежденность в своей правоте. Однако в итоге этого оказалось недостаточно. Советским войскам удалось остановить немецкое наступление ещё в 1941 году, чего мы тогда совершенно не понимали. Позднее мы считали, что Сталинград — всего лишь временная неудача. Нам казалось, что война скоро закончится, но в этом мы ошиблись. На Востоке я увидел многое, что заставило меня возненавидеть войну и осознать её бессмысленность. Но идеалист во мне заставлял продолжать сражаться, поскольку я был убеждён, что эту борьбу необходимо довести до конца, чтобы отстоять свободу Европы.

Особенно тяжело мне было видеть погибших [русских] женщин, и эти воспоминания преследуют меня до сих пор. Большинство женщин служили в подразделениях снабжения, медицинской службы или связными, хотя некоторые действительно участвовали в боях как обычные солдаты. Помню одну женщину, попавшую в плен после того, как водитель её грузовика с припасами [для передовой] ошибся дорогой, и машина застряла при попытке развернуться. Она и её товарищи сразу подняли белый флаг, после чего их доставили к нашим позициям. В машине находились одеяла, продукты питания и канистры с бензином — всё это нам тогда очень требовалось. Я до сих пор хорошо помню её: она выглядела грязной, но у неё были светлые волосы, заплетённые в косы и убранные под пилотку. Она выглядела как самая обычная европейская девушка, на её лице читался страх. Некоторые из наших солдат специально старались развеселить её и заставить улыбнуться. Её усадили возле костра, чтобы она согрелась, и дали кофе и немного супа. Переводчик объяснил ей, что её отправят в лагерь для женщин-военнопленных и что при желании она сможет подать прошение об освобождении и поступить на службу во вспомогательные подразделения. Немцы позволяли многим пленным присоединяться к борьбе против Сталина, однако сегодня об этом почти не вспоминают. Услышав слова переводчика, она заметно оживилась и начала разговаривать с ним и нашим командиром. Конечно, женщин на передовой мы почти не видели, поэтому все сразу столпились вокруг неё. Лишь *шписс* (*Spieß* — разговорное немецкое название старшего унтер-офицера роты - ротного фельдфебеля/*Kompaniefeldwebel*) быстро разогнал нас по своим местам. Нам рассказали, что она родом с Урала и выросла в крестьянской семье. По словам переводчика, её мобилизовали потому, что семья была большой и могла «отдать» одного человека на службу...

В целом же большая часть моей службы на Востоке сводилась к тому, чтобы не замёрзнуть и как-то спастись от насекомых. Летом их было невероятно много: эта местность была сырой, болотистой и идеально подходила для комаров. Большую часть времени мы занимали стационарные позиции и отражали советские атаки. Иногда главным нашим противником становилась не Красная армия, а сама погода.

Как, по Вашим наблюдениям, немцы обращались с гражданским населением?

Очень хорошо. Именно так было во всех районах, где мне довелось находиться. О Польше сегодня часто говорят, будто население там подвергалось чрезвычайно жестокому

обращению. Лично я ничего подобного не видел. Мне даже довелось однажды побывать в Варшаве. Поляки, по моим впечатлениям, выглядели вполне довольными и жили так, словно войны почти не существовало. Я знаю, что, как и по всей Европе, там действовала карточная система и нормирование продуктов, но несмотря на это я видел в Варшаве продовольственные ярмарки, танцы и различные народные праздники. То же самое, по моим воспоминаниям, происходило и в России. Люди, не ушедшие вместе с советскими войсками, встречали немцев как освободителей и друзей. Немцы — и мы, иностранные добровольцы, тоже — относились к местным жителям очень доброжелательно. Во многих случаях нам даже приходилось жить в их домах. Некоторые дома были соломенными и довольно простыми, зато в них имелись тёплые печи.

Освальд Ван Отегем (слева) с товарищем

Особенно жалко нам было детей. Мы всегда надеялись, что война пройдёт мимо них. Они часто приходили к нам, пытаясь продать продукты питания или тёплую одежду. Одна предприимчивая семья где-то раздобыла советскую военную форму и пыталась продать её нам. Мы тогда сочли это довольно странным, ведь, если бы кому-то действительно понадобилась такая форма, её можно было бы снять с погибших солдат. Однако мародёрство в отношении погибших нам запрещалось, хотя некоторые всё же тайком брали необходимые им вещи. Наш врач обменивал медицинскую помощь и продукты на тёплую одежду, чтобы затем передавать её пленным, которым не хватало зимнего обмундирования. Вот вам, как он говорит, и обвинения в том, будто мы плохо обращались с военнопленными. Я видел недовольство местных жителей только тогда, когда их привлекали к общественным работам — например, к ремонту дорог или к захоронению погибших. Сначала объявлялся призыв к добровольцам, если желающих оказывалось недостаточно, людей назначали. За работу им платили деньгами или выдавали

дополнительный паёк. Никого, насколько я видел своими глазами, не заставляли работать бесплатно. Однажды после советской атаки нам пришлось хоронить погибших советских солдат. Людей у нас не хватало, поэтому жителей ближайшей деревни привлекли к захоронению тел. Хотя это были наши противники, мы, по словам Освальда, относились к ним с уважением как к солдатам. Большой проблемой было отсутствие у большинства стандартных солдатских опознавательных жетонов. Обычно при них находились лишь какие-то записки с именами, либо они сами нацарапывали сведения на ложках, котелках или любых других предметах, которые попадались под руку. Местные жители часто ставили возле братских могил самодельные таблички с надписью: «Здесь покоятся советские солдаты, личности которых установить не удалось». Это была очень тяжёлая работа, но её необходимо было выполнить, потому что погибших нельзя было оставлять лежать на поле боя. наших же погибших товарищей всегда отправляли в тыл, где проводили церковную службу и хоронили на воинских кладбищах со всеми почестями.

Вы итоге Вы стали военным корреспондентом, позднее получили офицерское звание. Как Вы ощущали себя в роли корреспондента?

Да, было такое. Я служил в подразделении, носившем название *рота пропаганды*. Должен сказать, что всё это началось для меня после тяжёлого ранения, из-за которого меня отправили в госпиталь в Граце (Австрия), расположенный на территории Рейха. Там обо мне очень хорошо заботились. Меня навещали товарищи по службе и члены моей семьи. Позже мне предложили перейти на нестроевую должность, и мне показалось разумным согласиться. Мне объяснили, что показывать Европе войну и происходящее на фронте станет очень важной задачей для достижения окончательной победы. К тому времени положение на фронте уже начинало складываться не в нашу пользу. Мне поручили документировать жизнь как на передовой, так и в тылу. Помню, как мать была счастлива, узнав, что я больше не участвую в тяжёлых боях. Чего я ей не сказал, так это того, что по-прежнему находился на фронте — просто теперь уже не держал в руках оружие.

У меня был фотоаппарат. Я фотографировал и писал о тех событиях, свидетелем которых становился. Кроме того, меня направили учиться в офицерскую школу *Ваффен СС*. В СС офицеров подбирали не по происхождению или социальному положению, а по способностям, поэтому для меня это было большой честью. Позже мне самому казалось необычным, что, будучи иностранным добровольцем, я командовал немецкими военнослужащими. Как я уже говорил, немцы в те времена, по моим впечатлениям, не делали различий по национальности. Мы все воевали на одной стороне как братья, и даже Гиммлер настойчиво подчёркивал это. В 1944 году он выступал перед нами и заявил, что среди нас нет немцев, датчан, фламандцев или представителей других народов — все мы, по его словам, были германскими арийцами, сражавшимися за лучшее будущее.

Вас всегда интересовал вопрос обвинений Ваффен СС в военных преступлениях и казнях. Могу ли я узнать Ваше мнение по поводу этих обвинений, и считаете ли Вы их соответствующими действительности?

Сударь, обычно я предпочитаю не затрагивать эту тему. Но раз уж за вас поручились, скажу лишь несколько слов. Многие из нас подвергались преследованиям из-за своих убеждений и своей службы. Могу сказать только одно: я никогда не участвовал ни в каких казнях и никогда не был их свидетелем. Советская сторона создала множество историй, которые продолжают жить даже после исчезновения самого Советского Союза. Теперь, когда Европа больше не находится под угрозой, правда должна быть рассказана, однако люди, знавшие её, уже умерли, а те, кто ещё жив, либо слишком боятся говорить, либо просто не хотят этого делать, поскольку подобные разговоры могут привести к неприятным последствиям. Сегодня необходимо высказываться очень осторожно, чтобы тебя не заподозрили в желании вернуть времена Гитлера.

Я знаю, что принято говорить о преступлениях, которые будто бы совершались по всей оккупированной Европе фанатичными сторонниками Гитлера, но лично я ничего подобного не видел. Я вовсе не утверждаю, что этого никогда не происходило, я лишь говорю, что сам такого не видел. Мои товарищи также рассказывали мне, что ничего об этом не знали, однако после войны, по их словам, на многих оказывали давление, требуя признать то, чего они не совершали или не видели. Некоторые действительно признавались, будто были свидетелями убийств мирных жителей или военнопленных, но я не уверен, что подобные признания были достоверными. Многие люди просто хотели поскорее покончить со всем этим и вернуться к мирной жизни. В некоторых случаях человеку было проще признаться в том, чего он никогда не видел, лишь бы его оставили в покое. Разумеется, это лишь предположение, основанное на изученных мною материалах. За всю свою жизнь я не встретил ни одного товарища, который бы лично признался мне, что видел подобные преступления или участвовал в них. Если бы это было так, уверен, подобные темы неизбежно возникали бы в наших разговорах.

Слева – спутниковый снимок мемориала в Стрекене/Streken, Бельгия посвященного памяти фламандских эсэсовцев; справа – березовый крест с немецкой каской и сцена памятной церемонии.

С этой темой вообще следует быть очень осторожным. Те, кто контролирует средства массовой информации, могут, например, показать фотографию немецких солдат, стоящих рядом с телами людей в гражданской одежде, и объявить, что эти люди были убиты немцами. Обычный человек не станет задумываться над тем, что за этим может скрываться совсем другая история. В качестве примера можно привести известную фотографию, сделанную на Восточном фронте, где немецкий солдат будто бы направляет винтовку на женщину с ребёнком на руках. Для большинства зрителей такой снимок выглядит очевидным доказательством жестокости солдата, но реальная ситуация была совершенно иной. На более полном варианте фотографии видно, что там проходили похороны, и случилась атака партизан. Я знаю это, поскольку один из моих товарищей находился там и документировал нападение партизан. Во время съёмки небольшая группа партизан атаковала присутствовавших, убив женщину. Немецкие солдаты открыли ответный огонь и отбили нападение. Таков мой опыт. По моему мнению, фотографии часто вырывались из контекста, мнимые очевидцы лгали, а некоторые солдаты рассказывали вымышленные истории. Если добавить к этому хаос последних месяцев войны, болезни и разруху, становится понятно, почему людей было так легко убедить в самых разных версиях происходившего.

С другой стороны, говорит Освальд, мы сами видели преступления, совершавшиеся советской стороной против мирного населения. Партизаны, по его словам, отличались особой жестокостью: Они убивали любого, кто хоть как-то помогал нам, и сеяли страх среди

населения тех районов, где действовали. Я могу сказать, что сам видел подобный случай. Целая семья была расстреляна только за то, что продавала немецким подразделениям яйца и сливочное масло. Партизаны оставили записку, в которой назвали их предателями России. Были убиты все — даже дети. Сейчас пожилые люди, ставшие свидетелями подобных событий, лишь шёпотом вспоминают о них и не решаются рассказать об этом открыто.

Фотография, о которой ведет речь Ван Отегем

История не отражает всей жестокости последних месяцев войны. Миллионы людей погибли от рук победителей, однако внимание общественности сосредоточено исключительно на предполагаемых «преступлениях нацистов». Так всё «ставят на свои места» ... По телевизору постоянно повторяют, что те, кто сражался за Гитлера, были жестокими зверями и поэтому заслуживали соответствующего обращения. Даже женщины и дети, по его словам, не избежали того, что считалось справедливым возмездием. Именно поэтому война — это кошмар, и её нельзя воспринимать как-то по-другому.

Один из нескольких памятников борцам Сопротивления, воздвигнутых в Бельгии

Источник

www.mourningtheancient.com

<https://forward.com/news/462660/nazi-collaborator-monuments-in-belgium/#:~:text=Verschaeve's%20only%20other%20honor%20is,past.%20Below%20left%2C%20Flemish%20Waffen%2DSS>

https://en.wikipedia.org/wiki/Cyriel_Verschaeve

Перевод – Владимир Крупник с применением ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org